

УДК 821.161.1
ББК 63.3(2)613 +
83.3(2Рос=Рус)613

ПРОФСОЮЗЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПОЛИТИКА В ПРОВИНЦИИ
ПЕРИОДА НЭПа
(К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ
ИНСТИТУТА ЦЕНЗУРЫ)

© 2018 г. А.В. Хрусталева

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия*

Дата поступления статьи: 21 мая 2018 г.

Дата публикации: 25 декабря 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333

Аннотация: Приведены сведения из истории саратовского профсоюзного движения, подчеркивающие остаточную демократичность литературного процесса периода новой экономической политики. Даны конкретные сведения о массовости мероприятий саратовской ячейки РАПП – 3000 посетивших литературные собрания за три месяца в городе из 200 тыс. жителей, что превышает современное количество интересующихся литературой. Показано, что провинциальная литературная жизнь осуществлялась на условиях местного финансирования. Затронута практика коллективных договоров. На основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО) восстановлены основные биографические данные первого саратовского губернского цензора, которые могут быть использованы при дальнейшем изучении вопросов губернской цензуры периода. Демонстрируется, что в провинции контроль над литературным процессом был ослаблен в силу кадрового дефицита, удаленности от столицы и недостатка профессиональных знаний работников контролирующих органов.

Ключевые слова: Е.Б. Шульман, губернская цензура эпохи нэпа, роль профсоюзов в литературном процессе, литературная жизнь периода нэпа, политика партии в области художественной литературы.

Информация об авторе: Анна Владимировна Хрусталева – кандидат филологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, 410012 г. Саратов, Россия.

E-mail: tevlin1982@mail.ru

Для цитирования: Хрусталева А.В. Профсоюзы и литературная политика в провинции периода НЭПа (к вопросу о становлении института цензуры) // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 316–333. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

TRADE UNIONS AND CONTROL OVER LITERARY LIFE IN THE SOVIET REGIONS DURING THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

© 2018. A.V. Khroustaleva

*N.G. Chernychevsky Saratov National Research State University,
Saratov, Russia*

Received: May 21, 2018

Date of publication: December 25, 2018

Abstract: The article introduces data from the history of the trade unions movement in Saratov that demonstrates the remains of democracy in Soviet Russia during the New economic policy period. The exact numbers of attendees of literary events held by the Russian Association of Proletarian Writers – 3000 in 3 months in the town with 200 000 population – shows that the number of literature lovers exceeded that of today. Provincial literary life was self-sponsored. The article touches upon the issue of collective agreements signed by both trade unions and workers, which gave way to the development of the literary market. It reconstructs the biographical data of the earliest Saratov censor Efim B. Schulman based on the research at the Russian State Social and Political History Archive, Saratov State Archive, and Saratov State Modern History Archive. The paper demonstrates that control over literary life in Saratov was decentralized for a number of reasons; among them lack of professional competence of the censors, human resources potential, and remoteness from Moscow. One can thus testify a cultural lag between the capital and the regions. It was not until the mid-1920s that censorship was established in some districts of Saratov region. For example, a book published in Saratov in 1927 gives an uncensored judgment of Leo Trotsky, which was highly unusual for that time.

Keywords: E. Schulman, regional literature in the new economic policy period, the role of trade unions in literary life, literary life, the Soviet communist policy in literary life.

Information about the author: Anna V. Khroustaleva, Associate Professor, N.G. Chernychevsky Saratov National Research State University, Astrachanskaya 83, 410012 Saratov, Russia.

E-mail: tevlin1982@mail.ru

For citation: Khroustaleva A.V. Trade Unions and Control over Literary Life in the Soviet Regions During the New Economic Policy Period. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 316–333. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-316-333

В настоящее время в науке сложился ряд устойчивых положений, касающихся цензуры в художественной литературе первых советских лет. Мысль о спорадичности партийного контроля в художественной сфере, о случайности некоторых решений многократно повторена в разных трудах [1; 2; 10]. Считается, что определенная последовательность характеризовала политику партии в области литературы только с конца 1920-х гг. [2].

Выделяя несколько периодов становления цензуры в советском государстве (военно-ведомственный, государственный, начавшийся с образования Главлита в 1922 г., и др.), Т.М. Горяева подчеркивает, что художественная литература несколько лет находилась в относительно выигранном положении по отношению к другим сферам жизни советского общества: «Жесткой позиции в соотношении определяющей роли партийной идеологии и степени ее влияния на литературно-художественную жизнь не существовало, а вопросы политической цензуры еще носили дискуссионный характер. В первой половине 1920-х гг. цензуру “поправляли”, чтобы избежать снижения художественного уровня произведений. Политическая цензура конца 1920-х начала выдвигать куда более конкретные требования: не только не писать ничего негативного о советской действительности, но и писать только позитивное» [1, с. 244].

В статье мы хотим показать, что провинция отличалась от столицы более медленным формированием аппарата контроля над художественной литературой и идеологически отставала от Москвы минимум на один-два года на всех отрезках нэпа.

Вышеизложенный тезис доказывается нами с привлечением фактов из истории губернского профсоюзного движения. Так, профсоюзы явля-

лись опосредующим звеном между трудящимися и партийно-государственными органами, и в силу целого ряда факторов (самостоятельного финансирования собственных культурных нужд, специфики кадрового состава, идейной инерции, относительной демократичности культурного процесса) вплоть до 1928 г., а в отдельных местах и далее, еще могли принимать независимые решения в области организации литературно-художественных мероприятий и даже книгоиздания.

Для понимания функционирования цензуры в художественно-литературной сфере Саратовской губернии периода нэпа, таким образом, следует принять во внимание важнейший определяющий ее фактор: значительная часть литературных мероприятий проходила в клубах, финансируемых и идейно поддерживаемых профсоюзами (в 1926 г. ими контролировались 59 из 66 губернских клубов¹). Тема клубов разрабатывается в исследовательской литературе [4], но до сих пор недостаточно было сказано о том, что именно профсоюзы и проводимая ими клубная работа многократно усиливали потенциал провинциального писателя прямой финансовой поддержкой (при отсутствии в нэп государственной заинтересованности в региональном книгоиздании). Так, автору удалось найти немало публикующихся в период с 1921 по 1928 гг. провинциальных авторов среди членов правления конкретных профсоюзных организаций. Эти авторы получали поддержку в своих начинаниях не на основании безупречности их идей, а в первую очередь в силу наличия у них финансовых ресурсов, изыскивать которые в провинции всегда было затруднительно.

О чем это говорит? О том, что следует перечитать региональных писателей и проверить, что реально допускалось в печать в период нэпа. Мы, например, видим в саратовской литературе данного хронологического отрезка проявление подчеркнутых оппозиционных настроений.

В состав профсоюза обязательно входила партийная фракция, но в рассматриваемый период ее решения не обладали полнотой окончательного вердикта, сохранялась возможность их обхода. «И хотя отчеты фракции и губернского совета профсоюзов заслушивались партийным комитетом постоянно, но открытого командования профсоюзами, жесткой регламентации их деятельности не было» [9, с. 276].

¹ ГАНИСО. Саратовский губком ВКП(б). Доклад для пленума губсовета. Докладные записки фракций ВКП профсоюзных органов и др. документы. Ф. 27. Оп. 4. Д. 110. Л. 11.

В то же время профсоюзы оказались на деле прямым «спонсором» строительства коммунизма. Сборы на очень многие проекты и начинания, включая ликвидацию неграмотности, шли из фондов профессиональных организаций и кооперации. В 1927 г. профсоюз работников водного транспорта, например, содержал за свой счет несколько школ, детский сад, больницу, детский дом, клуб для работников со множеством кружков. Своими силами профсоюз выделил 64 тыс. руб. на постройку нового клуба². Для оценки значимости суммы укажем, что стоимость килограмма мяса в различных торговых местах Саратова в указанный период не выходила за пределы рубля.

Когда то или иное печатное издание или объект культурной сферы оказывались убыточными, «на буксир» их брал именно профсоюз или кооперативный хозорган. Так, союз сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства «разверстали» (в архивном документе употребляется именно это слово) и в поддержку убыточного журнала «Нижневолжский колхозник»³, и в пользу деревенского театра⁴.

Логично и закономерно, что в таких условиях, когда профсоюз и кооператив брали на себя очень много поставленных партией задач, а решали их «собственной кровью», в тех организациях, где были достаточные денежные средства, иногда возникало стремление автономно, без согласования с кем-либо, обслуживать собственные культурные потребности.

Партийный контроль над литературной и художественной жизнью в период новой экономической политики не осуществлялся столь тотально и бесповоротно, как в 1930-е гг., его несколько лет сдерживало опосредующее влияние профсоюза. Профсоюзная организация, особенно представленная нацменьшинствами, нередко подчеркивала специфику своих культурных интересов, претендовала на свободу самоопределения. Выбор лектора, проводящего культурную работу с рабочими и служащими, мог осуществляться

2 ГАНИСО. Фонд фракции Саратовского районного комитета работников водного транспорта. Ф. 319. Оп. 1. Д. 14. Л. 414.

3 ГАНИСО. Фонд фракции ВКП(б) Нижневолжского краевого союза сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства. Протоколы общих собраний. Ф. 754. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

4 ГАНИСО. Фонд фракции ВКП(б) Нижневолжского краевого союза сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства. Протоколы общих собраний. Ф. 754. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

на профсоюзном, но не партийном уровне, и без жесткой классовой филтрации.

При изучении вопросов писательства до сих пор уделялось мало внимания практике коллективных договоров, между тем этот совершенно внелитературный фактор имеет большое значение. Ряд просмотренных автором статьи коллективных договоров, заключенных между сотрудником и администрацией крупнейших саратовских организаций, содержит ясное указание на то, что работнику запрещалось выполнять какие-либо сдельные работы, заключать трудовой договор с предприятиями, не входящими в сферу деятельности конкретного профсоюза.

Ясно, что литературная деятельность любого трудоустроенного человека, если не является неоплачиваемым увлечением, может стать только временной работой, выполняемой на сдельных условиях. Таким образом, профессиональные занятия литературой в печатной ее форме носили в эпоху новой экономической политики маркированный характер, противоречили политике монопрофессионализма и были доступны только специфическому кругу лиц. Существует ряд ясных свидетельств о том, что в писательской и книгоиздательской деятельности было задействовано значительное количество «нэпманов»: «Агентство [литературное. — А.Х.] представляет из себя совершенно изолированное учреждение...», выполняющее «директивы <...> чисто коммерческого характера, которые сводятся лишь к большей вырубке»⁵.

Сформулируем, таким образом, мысль более четко: профсоюз довольно часто привлекал лекторов (в том числе по литературе), а также оплачивал книгоиздание на основании *индивидуальных симпатий лиц, отвечавших за распределение средств*. Поэтому именно в этот период еще сохранялась некоторая возможность проникновения в ткань художественного произведения или основу литературного мероприятия определенной идеологической невыдержанности.

Основными четырьмя последовательными фильтрами на пути к читателю, на наш взгляд, были следующие: уровень образования, объем финансовых и временных ресурсов на книгоиздание, обремененность коллективным договором на предприятии или его отсутствие, наличие нужных социальных связей.

5 ГАНИСО. Фонд фракции Саратовского районного комитета работников водного транспорта. Ф. 319. Оп. 1. Д. 4. Л. 121.

Как мы увидим далее, губернский цензор уступал писателю с классическим дореволюционным образованием по образовательному критерию. Он, несомненно, располагал большими ресурсами, но так ли сложно было обойти его указания, пользуясь деньгами, связями и давно известным оружием русской интеллигенции — эзоповым языком? Вопрос борьбы с цензурой в нэп представляется совершенно неизученным, несмотря на то что неформализм в писательской среде однозначно имел место и в этот период.

Даже в 1926 г. в Саратове, когда, казалось бы, самые трудные в экономическом отношении времена были уже позади, Совпартиздат (позднее — Приволжское книжное издательство) показывал ежемесячный провальный убыток в 36 тыс. руб.⁶ Постоянные волнения печатников и их открытое недовольство сокращением рабочего дня и массовыми увольнениями свидетельствуют, что книгоиздание и средства массовой информации в городе имели ряд серьезных проблем, и потому в то время актуальнее было не «задушить» чье-то слово, а найти деньги для печати. Несомненно, при желании и наличии перечисленных нами четырех «сильных сторон» грамотный в социальном и буквальном смысле автор смог бы довести свою книгу до читателя.

Таким образом, нельзя игнорировать центробежную силу литературной жизни. Известная история изъятия «Повести непогашенной луны» Б.А. Пильняка (Вогау) 1926 г., произошедшая в центре, не является отражением общей системы взаимодействия с авторами художественных произведений на всей территории страны. Это — случай, характерный для крупного города, в населенном пункте, насчитывающем сто-двести тысяч жителей, реакция властей на выход художественной книги могла быть иной. Даже потенциально опасные книги (в современной исследовательской литературе «Повесть непогашенной луны» считается провокацией оппозиции [7]) в провинции не всегда изымались из оборота, так как политический резонанс губернской книги не оценивался всерьез.

Одна из причин, объясняющих специфическое отставание провинциального города от столичного ритма, — кадровый голод. У новой власти не было компетентных сотрудников в таком количестве, которое могло бы создать критическую массу. В 1919 г., например, отдел народного образования

6 ГАНИСО. Ячейка ВКП(б) Крайиздата. Протоколы общих собраний. Ф. 58. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

в Саратове возглавлял беспартийный. В правлении профсоюза работников искусств в 1920 г. было трое беспартийных, отвечавших за финансовый, культурно-просветительный и тарифно-нормировочный отдел⁷. Кадровый дефицит в сфере кино вскользь упоминает И.М. Колозина [5, с. 200].

До 1921 г. литературная политика в городе носит случайно-необязательный характер. Так, Художественный подотдел при губернском отделе народного образования не ставит перед собой амбициозных задач: «Функции аппарата вовсе не заключаются в руководстве художественным делом города или губернии»⁸. Руководителями культурной жизни пытались быть представители губернского комитета профсоюза работников искусств, пролеткультовцы, позже рапповцы.

Для одномоментного установления тотальной цензуры не было не только достаточного количества кадров, но и средств. Первостепенной задачей власти стала ликвидация неграмотности, во многих культурных сферах работал принцип «все самокупаемое, если не против партии».

Следует иметь в виду, что самый серьезный фронт культурной работы разворачивался со значительной опорой на местные средства. Например, даже в 1928 г. союз сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства из плановой прибыли в 85 000 руб. выделил 12 730 руб. в так называемый «культурфонд» и 1 900 руб. конкретно и адресно на ликвидацию неграмотности⁹.

Понятно, что раз такая серьезная задача велась с осязаемым привлечением местных средств и при участии местного кадрового состава, то конкретная реализация методик обучения не могла полностью и каждодневно соответствовать московской инструкции. Срабатывал фактор удаленности контролирующего органа. Даже занимаясь по рекомендованному учебнику, педагог мог в резервное время в целях нравственно-эстетического воздействия привлекать образы и примеры из русской «дворянской» литературы, давать свою индивидуальную оценку произведениям пролетарского писателя, не всегда имея возможность свериться с мнением партии. Огромное

7 ГАНИСО. Ячейка ВКП(б) союза РАБИС. Протоколы общих собраний. Ф. 572. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

8 ГАСО Ф. Р-847. Оп. 1. Ед. хр. 34.

9 ГАНИСО. Фонд фракции ВКП(б) Нижневолжского краевого союза сельхозкооперации по производству, переработке и сбыту продукции животноводства. Протоколы общих собраний. Ф. 754. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

количество вопросов в сфере образования и просвещения оставались дискуссионными, о чем еще скажем далее.

Надо понимать, что в образовательной сфере по инерции и в силу социальных связей оставалось немало профессионалов времени Николая II. Известно, что в 1919 г. образовательные лекции для сотрудников Рязано-Уральской железной дороги проводил сын священнослужителя, бывший товарищ царского прокурора¹⁰, кадет по политическим взглядам. Он продолжал свои лекции в Саратове на другой образовательной площадке до 1929 г.¹¹

Кроме того, цензор того времени для выполнения профессиональных задач должен был иметь определенную политическую подготовку. Уровень политической грамотности уездного населения в целом был удручающе низким. Так, по результатам обследования Петровского уезда 85% членов партии были политически неграмотны даже в 1925 г.¹² В качестве оптимального решения для такой проблемы наиболее часто применялась «переброска» сотрудника из губернского центра или другого региона, а это требовало от него дополнительной подготовки к новой работе, что затягивало процесс.

Подчеркнем, что весомое количество руководителей различных профсоюзов и иных организаций, спонсировавших культуру в той или иной форме, представляли бывших (а иногда и настоящих) политических оппонентов власти. Они сохраняли за собой должности и рабочие места только из-за продиктованной моментом необходимости, в силу наличия специфического профессионального опыта, дефицитного в среде новых сотрудников. В архивном документе приводятся сведения, что в 1926 г. на протяжении 600 км водных путей на руководящих должностях в судонадзоре был всего один член ВКП(б)¹³.

Тот же кадровый голод ярко проявлялся и в агитационно-пропагандистском отделе (АПО), который должен был вести вопросами контроля

10 ГАНИСО. Управление Рязано-Уральской железной дороги. Ф. 5319. Оп. 1. Д. 10. [замечание касается Словохотова Л.А. — А.Х.]

11 ГАСО. Наблюдательное производство № 130177 по обвинению Словохотова Л.А. Прокуратура Саратовской области. Ф. Р-2374. Оп. 14. Ед. хр. 1627.

12 ГАНИСО. Петровский уком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Ф. 88. Оп. 1. Д. 933. Л. 8.

13 ГАНИСО. Фонд фракции Саратовского районного комитета работников водного транспорта. Ф. 319. Оп. 1. Д. 4. Л. 121.

над культурой. В отдельных уездах складывалась такая ситуация, что сотрудник АПО в едином лице совмещал столько обязанностей, что физически не успевал контролировать ни литературную, ни какую-либо культурную жизнь.

Так произошло, например, в Петровском уезде: «Работа по цензуре в уезде начата только в конце 1924 года, и весь 1924–1925 год носит большей частью организационный характер»¹⁴.

Только в крупных городах в 1920-е гг. могла накопиться критическая масса партийных сотрудников, способных осознанно проводить в жизнь политику центра в области культуры и художественной литературы. Но и там процесс роста этой массы шел постепенно. «Диктатура» партии нередко превращалась в провинции в кумовство, чванство и обычное самодурство. Так, в саратовских документах находим: «Методическая подготовка агитаторов весьма недостаточная...»¹⁵ и «...партийное руководство ячейками ВКП(б) работой уголков было недостаточное и участие членов ВКП(б) слабое... работа ведется без плана...». Известно, что Е.Б. Шульман, исполняя обязанности главы Художественного треста, отправил в Главрепертком пьесу Левина «Чайный цветок», минуя какое-либо согласование с местными цензурными органами¹⁶. Этот случай разбирался позднее партийными работниками как самоуправство.

Посмотрим на конкретные показатели 1926 г. В марте в Саратове работают 83 агитатора, призванные обследовать работу клубов и красных уголков. Всего в губернии 66 рабочих клубов. Казалось бы, внушительное число партийных работников, ясная и понятная задача. Но по сохранившимся документам видно, что значительная часть сотрудников сталкивается с агитационной, пропагандистской и цензурной работой впервые. В I районе Саратова агитаторы пришли «от станка» и состоят в партии преимущественно с 1924 г., «опытными» можно назвать только сотрудников II района (ныне центр города и часть территории Октябрьского района).

Таким образом, сформулируем мысль ясно: надо отличать план и его фактическую реализацию. Институт цензуры набирал обороты, но в силу

14 ГАНИСО. Петровский уком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Ф. 88. Оп. 1. Д. 327. Л. 25.

15 ГАНИСО. Саратовский губком ВКП(б). Агитационно-пропагандистский отдел. Планы работы и отчеты о работе отдела. Ф. 27. Оп. 4. Д. 740. Л. 29.

16 ГАНИСО. Саратовский губком ВКП(б). Протоколы, выводы по обследованию клубов. Ф. 27. Оп. 4. Д. 737. Л. 7.

малого опыта сотрудников и специфических характеристик литературного процесса — преимущественно устный характер литературных выступлений — эта область деятельности была еще инертна и сопряжена с огромным количеством бюрократии, произвола и самодеятельности.

Мы уже показывали в других работах массовость проводимых в Саратове литературных мероприятий, поэтому, не останавливаясь на вопросе подробно, приведем статистику, связанную с деятельностью РАПП. Одна ячейка РАПП (а в Саратове действовало несколько литературных организаций) провела за три первых месяца 1927 г. 10 мероприятий с общим количеством 3 000 посетителей (обратим внимание, что это немало для провинциального города с населением в 200 тыс. человек). Серьезным вызовом для апоргов была в данном случае определенная доля спонтанности в проводимых мероприятиях, отсутствие их плана, невозможность запротоколировать речи выступающих заранее.

Нужно учитывать и другое. Четкого представления о том, как следует относиться к классической литературе, не существовало вплоть до середины 1920-х гг. К 1925 г. были созданы комплексные программы для учебных заведений, подготовленные на основе рекомендаций научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС) при участии Н.К. Крупской, в которых литература прекращала быть самостоятельным предметом. Творчество русских писателей рассматривалось только в качестве иллюстрации к обществоведению.

В таких условиях, когда сама необходимость сохранения классики ставилась под вопрос, наблюдался разброд в оценке определенных авторов. Даже грамотный саратовский апорг далеко не всегда мог определить степень полезности художественного произведения для читателя с точки зрения партии, так как вплоть до окончательного оформления концепции соцреализма существовало несколько точек зрения на характер этой полезности. Поэтому цензор, лектор и агитатор при разборе художественного произведения нередко исходил и из личных эстетических предпочтений.

Необходимо понимать, в чем состоял сам алгоритм партийного контроля в области массовых мероприятий (где находили себе место и литературные встречи). АПО давал инструкцию о том, сколько мероприятий должно быть проведено, на некоторые из них назначался докладчик, работающий в самом отделе. В течение месяца могло проводиться несколько

кампаний, причем для всех фиксировался определенный срок. Так, если на какое-то число планировалось мероприятие, оно часто должно было **одно-временно** пройти как в Саратове, так и в селе Золотом.

Литература всегда имела только вспомогательное значение для общей социальной агитации и пропаганды. Так, любая кампания, приуроченная к юбилею писателя, подразумевала чтение общественно-политических лекций на широкие темы по клубам. Конкретно над антирелигиозной тематикой работали лекторы Красовский, Шохор, Шульман, Валов, Бобылев, Ганжинский, Буров, Фролов.

Пропаганда шла согласно специально утвержденным указаниям. Заменить сам тезис, выдвинутый для внедрения в массы, было нельзя, но оставалось поле для маневров его интерпретации.

В ознаменование 100-летия со дня рождения Л.Н. Толстого, например, по клубам, библиотекам и школам надлежало провести работу по социально-критическому разбору творчества Толстого. План организации мероприятий давался в готовом виде. Так, разбирать произведения писателя следовало по статьям Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. Лектору необходимо было подчеркнуть на мероприятии, что учение о непротивлении злу насилем противоречит идеологии пролетариата.

Ясно, что упомянутые нами 83 агорга привлекались не только к клубным мероприятиям. Поэтому где-то выступали сами, где-то докладчик подбирался местными силами. В последнем случае довольно часто происходило некоторое изменение направленности в изложении материала, могло появиться «личное мнение» лектора.

De facto проконтролировать проведение юбилея в конкретном исполнении можно было только в Саратове и еще нескольких более-менее крупных населенных пунктах. По мере приближения к периферии контроль значительно ослабевал в силу уже изложенной причины нехватки кадров. Кроме того, ни партийный стаж, ни занимаемая должность не давали гарантию высокого качества проведения мероприятия. Партийные работники часто вынуждены были заниматься тем, в области чего не имели профессиональных знаний. Так, о работнике АПО Шумуртове известно, что на лекциях по истории партии он демонстрировал наган и рассказывал о его превосходстве перед другими видами оружия, игнорировал вопросы аудитории, обрывал спрашивающих, обвиняя их в правом или левом уклоне.

В результате всего этого обучающиеся написали письмо в газету с просьбой заменить им лектора [3, с. 3]. Приблизительно то же иногда имело место и в литературной жизни.

Архивные данные свидетельствуют об отсутствии у первого саратовского цензора не только гуманитарного образования, но и внятного представления о литературе как области человеческой деятельности.

Рабочий вариант биографии цензора Ефима Борисовича Шульмана¹⁷, составленный и постоянно дополняемый автором статьи, представляет собой следующее. Родился в Полоцке Витебской губернии в 1899 г. Был сыном служащего, имел опыт работы делопроизводителем и репетитором. Отец умер в 1918 г., предположительно Ефим Борисович имел среди родственников еще и брата Арона, судимого в 1930-х гг.

В Саратов Шульман переехал в 1916 г. Как следует из автобиографии, до этого обучался в реальном училище. К сожалению, он пока не найден в списке ни одного из училищ, где гипотетически мог получать образование.

В настоящее время ведется уточнение освоенных будущим цензором дисциплин. По признанию самого Шульмана, он не владел ни одним иностранным языком. Думается, что он лукавил, так как определенные сведения в области идиша и немецкого языка у него должны были быть неизбежно. В любом случае несклонность цензора к типично гуманитарным предметам могла открывать дополнительные возможности для авторов с классическим дореволюционным образованием. Еще предстоит узнать, насколько они их использовали.

В 1919 г. Шульман был принят в партию. С 1920 по 1921 г. он являлся помощником комиссара, с 1922 по 1923-й — комиссаром 27 стрелковой дивизии РККА. С 1923 по 1925 г. Шульман заведовал Саратовским Губполитпросветом. В этот период в его обязанности входили предварительный просмотр, учет и утверждение всей губернской печатной продукции, а также драматических, концертных и литературных постановок. Кстати, Губполитпросвет представлял собой относительно небольшую структуру, включая в 1923 г. три ответственных лица — самого цензора, его заместителя по ликвидации неграмотности и заведующего клубно-библиотечным отделением.

17 ГАНИСО. Шульман Ефим Борисович. Ф. 27. Саратовский губком ВКП(б). Оп. 5. Д. 337.

Шульман был своеобразным цензором. Он систематически неправильно употреблял слова, мог писать, например, «проза», имея в виду «либретто». Мало того, он допускал орфографические ошибки. Чувствуется, что при назначении на должность сыграл роль его комиссарский опыт, а не какие-либо заслуги в области искусства.

Цензорский период Шульмана был довольно коротким. С 1925 по 1926 г. он — заведующий Агитационно-пропагандистским отделом ВКП(б) в Петровске. В то время как Губполитпросвету полагалось заниматься ликвидацией неграмотности, агитационно-пропагандистский отдел имел значительно более важную и неотъемлемую функцию контроля за просвещением партийцев. Именно АПО давал инструкции о том, в каком направлении должны были развиваться цензура, агитация и пропаганда.

Посмотрим на конкретный образец цензуры 1927 г., осуществленной уже не Шульманом, а другим сотрудником. Сохранился документ — жалоба в газету работника пятой школы для взрослых. Суть дела состояла в следующем: коллектив педагогов и обучающихся готовил вечер «смычки» города и деревни, на котором предполагалось декламировать стихи Н.А. Некрасова. После трех недель упорных репетиций пришлось прекратить работу, вечер был сорван, так как из компетентных органов пришла резолюция заменить Некрасова на современных поэтов.

Никакой политической опасности творчество Некрасова в себе таило, а современные поэты с большой долей вероятности уступали в качестве письма признанному автору. Но здесь проявляется дух времени — в 1927 г. еще нередко запрещали и разрешали, руководствуясь сиюминутными настроениями.

С 1926 по 1927 г. Шульман снова возвращается в Саратов и возглавляет Художественный трест. Теперь он должен был показать себя грамотным управленцем, так как руководство трестом предполагало решение хозяйственных вопросов нескольких театров Саратова.

Обратим внимание, что такая «переброска» демонстрирует крайне противоречивый характер отношения к культуре. Бывший цензор теперь оказывается на противоположной стороне баррикад. Раньше требовалось контролировать и запрещать, а теперь — изыскивать деньги на театральные постановки, способствовать коммерческому успеху театра. Продолжая тему несогласованного контроля, отметим, что уже на своем новом посту Шуль-

ман неоднократно отправлял пьесы в Главрепертком без согласования с ответственными саратовскими цензурными органами.

Вернемся к тезису об идеологическом отставании провинции от Москвы.

Информация о том, что Бородачев и Вальдман (члены профсоюза работников искусств, предшественники Шульмана) систематически выполняли работу по предварительному просмотру издаваемых художественных произведений, не обнаружена. Таким образом, фиксируем один год отставания в формировании органа государственной допечатной цензуры художественной литературы (Москва — 1922 и Саратов — 1923 соответственно).

Кроме того, отмечаем совместную деятельность Пролеткульта и РАПП в 1924 и даже в 1928 г. в Саратове [12, с. 2]. Так, видим в авторитетной саратовской газете призыв к слиянию: «Все силы пролетарской литературы должны быть сплочены, объединены, чтобы выдержать натиск буржуазно-мещанской сменовеховской литературы. Оргбюро ЛИТО Пролеткульта и правление группы “Октябрь” [САППАПП. — А.Х.], считая, что обе эти организации стоят на одной платформе и должны работать совместно, созывают на сегодня (5 августа) в 8 часов вечера в помещении Пролеткульта (угол Большой Казачьей и Вольской) объединенное собрание членов Лито и “Октябрь”» [8].

Помимо того, отмечаем поразительную неповоротливость саратовской цензуры в таком тонком политическом деле, как отношение к Л.Д. Троцкому. Так, обычно определяют два основных отрезка взаимодействия политики и литературы в НЭП. После падения Пролеткульта в Москве (1920–1921) выделяют первый этап (1922–1925), когда основной задачей стала «организация мероприятий по принципиальному обновлению писательского состава советской России» [6, с. 151], затем второй этап, начавшийся с объявления новой эстетической платформы (1925–1927) [6, с. 173]. Н.В. Корниенко указывает, что на втором этапе стиль пролетарской литературы постепенно освобождается от планетарно-романтических мечтаний о мировой революции. «В октябре 1926 года <...> Л. Троцкий был освобожден от обязанностей члена Политбюро <...> он теряет свои руководящие позиции и в литературной области» [6, с. 59].

В саратовской книге 1927 г. издания находим пассаж искреннего восхищения ораторским даром Троцкого, его глубоким пониманием литерату-

ры, подчеркнем, что книга не была изъята из оборота вплоть до 1930-х гг. [II, с. 80].

Таким образом, представление о провинциальной цензуре периода 1920-х гг. не будет полным, если мы проигнорируем огромную роль частной инициативы, личные амбиции должностных лиц, их стремление придать важность и вес собственному слову. Но еще важнее этого — профсоюзное влияние, инертность человеческой массы и фактор удаленности от центра. Мы только что видели, что государством предоставлялась готовая инструкция о том, как надо говорить и писать. Но ясно и то, что проследить за конкретным выполнением этой инструкции можно было не везде.

На примере саратовской губернской цензуры мы видим, что ужесточение контроля было постепенным и поступенным. Кадровый дефицит и инерция человеческого материала значительно ослабляли возможные размеры «патронажа» власти в деле культуры.

Первым серьезным шагом к «цементированию» цензуры в области художественного слова в государственных масштабах нам представляется изменение порядка регистрации обществ, согласно которому с 1928 г. любое общество перерегистрировало информацию о своих членах при участии НКВД. Именно с 1928 г. число «бывших товарищей прокурора» среди советских лекторов и просветителей стало стремительно сокращаться и постепенно, вместе с активным обновлением кадрового состава организаций, с закреплением унифицированной официальной политики в области литературы, сложился уже подлинно тотальный контроль над художественным словом.

Список литературы

- 1 *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
- 2 Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов / под ред. Е.Г. Елиной, Л.Е. Герасимовой, Е.Г. Трубецковой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 428 с.
- 3 *Икс.* [Автор не установлен] «Лекции» Шумуртова // Поволжская правда. 1928. 21 декабря.
- 4 *Канавина Н.В.* Клубы как центры политико-просветительной работы в 20-е годы XX века // Человек и власть в современной России: Межвуз. науч. сб. Саратов: Сарат. гос. соц.-эконом. ун-т, 2010. Вып. 12. С. 249–257.
- 5 *Колозина И.М.* Становление нового социокультурного пространства Саратова в 1917–1920-х годах // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 200.
- 6 *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
- 7 *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920–1930-х годов. М.: Форум, 2015. 452 с.
- 8 Оргбюро Пролеткульта и правление группы Октябрь // Саратовские известия. 1924. 5 авг. С. 6.
- 9 Очерки истории Саратовского Поволжья 1917–1941 / под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. 492 с.
- 10 «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 319 с.
- 11 *Словохотов Л.А.* О классиках русской литературы. Саратов: Изд. автора; Тип. Горсовета в Балакове, 1927. 195 с.
- 12 Всесоюзный съезд пролетарских писателей // Саратовские известия. 1928. 12 февраля.

References

- 1 Gorjaeva T.M. *Politicheskaja tsenzura v SSSR. 1917–1991* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 407 p. (In Russ.)
- 2 Gubernskaia vlast' i slovesnost': literatura i zhurnalistika Saratova 1920-kh godov [Provincial authorities and literature], eds. E.G. Elina, L.E. Gerasimova, E.G. Trubetskova. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2003. 428 p. (In Russ.)
- 3 Iks. [Avtor ne ustanovlen] [Author unknown]. "Lektsii" Shumurtova [Shumurtova's Lectures]. *Povolzhskaja Pravda*, 1928, 21 December. (In Russ.)
- 4 Kanavina N.V. Kluby kak tsentry politiko-prosvetitel'noi raboty v 20-e gody XX veka [Clubs as centers of political and educational work in the 1920s]. *Chelovek i vlast' v sovremennoi Rossii: Mezhuuz. nauch. sb.* [Man and power in contemporary Russia: collection of conference materials]. Saratov, Sarat. gos. sots.-ekonom. un-t Publ., 2010, issue 12, pp. 249–257. (In Russ.)
- 5 Kolozina I.M. Stanovlenie novogo sotsiokul'turnogo prostranstva Saratova v 1917–1920-kh godakh [The development of the new sociocultural space of Saratov in the 1917–1920s]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2015, no 8, p. 200. (In Russ.)
- 6 Kornienko N.V. "Nepovskaia ottepel'": stanovlenie instituta sovetskoj literaturnoi kritiki ["Nepovskaya оттепель": the development of the institute of Soviet literary criticism]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010. 504 p. (In Russ.)
- 7 Kiianskaia O.I., Fel'dman D.M. *Ocherki istorii russkoi sovetskoj literatury i zhurnalistiki 1920–1930-kh godov* [Essays on the history of Russian Soviet literature and journalism, 1920–1930s]. Moscow, Forum Publ., 2015. 452 p. (In Russ.)
- 8 Orgbiuro Proletkul'ta i pravlenie gruppy Oktiabr' [Proletkult Organizing Bureau and the Board of the October Group]. *Saratovskie izvestiia*, 1924, 5 August, p. 6. (In Russ.)
- 9 *Ocherki istorii Saratovskogo Povolzh'ia 1917–1941* [Essays on the history of Saratov Volga region 1917–1941s], ed. by Iu.G. Golub. Saratov, Izdatel'stvo SGU Publ., 2006. 492 p. (In Russ.)
- 10 "Schast'e literatury". *Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg. Dokumenty* ["The happiness of literature." The state and the writers, 1925–1938s], ed. by D.L. Babichenko. Moscow, Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)
- 11 Slovkhotov L.A. *O klassikakh russkoi literatury* [About the classics of Russian literature]. Saratov, Izd. avtora; Tip. Gorsoveta v Balakove Publ., 1927. 195 p. (In Russ.)
- 12 Vsesoiuznyi s"ezd proletarskikh pisatelei [All-union congress of proletarian writers]. *Saratovskie izvestiia*, 1928, 12 February. (In Russ.)